

к 556

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 30 КОП.

К Р О К О Д И Л

№ 34 МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ДЕКАБРЬ 1933

— Ты почему Груньку-то взял? Из-за трудодней, что ли?
 — Нет, из-за любви...
 — А воду почему ей таскаешь?
 — А вот это—из-за трудодней.

Рис. М. Храпковского
 (тема Вас. Лебедева-Кумача)

Рис. и тема Ю. Гаица

— Что трудодень грядущий мне гото-о-о-вит?..

ГИБЕЛЬ ОСЬМИНОГА

(Экзотическая лирика)

В океане, где, тих и глубок,
Свет зеленый дробится и множит я,
Лупоглазый живет осьминог
И супруга его — осьминожица.
Осьминог — идеальный супруг —
Обожает свою осьминожицу
И ногами ласкает без рук
Осьминожицы гладкую кожицу.

Для прогулок
Много, много
Есть у осьминога мест.
Но любимая
Дорога —
Зюд или зюд-вест.

Он моллюсков несет поутру
Ненаглядной своей осьминожице,
И в зеленом соленом мире
Осьминог ни о чем не тревожится.
Ах! Счастливей его нет отцов, —
Дети плавают вокруг осьминожицы,
И у каждого восемь концов.
И у всех лупоглазые рожницы.

Для охоты
Много, много
Есть у осьминога мест, —
Ведь семейство
Осьминога
Много, много ест!

Океан и глубок и широк,
Развлечений великое множество,
И растет среди зеленых дорог
Осьминог и его осьминожество...
Но однажды стемнело вокруг,
Всюду чудища, слева ли, справа ли, —
И холодными стаями вдруг
Непонятные рыбы заплывали.

Их спустилось
Много, много
В сердце голубых глубин,
И сдавило
Осьминога
Много, много мин.

Закипела от взрыва вода,
Якоря друг о друга зазвякали,
И пропали простор, и еда,
И глазастые детки заплакали...
Налетевши на минный стакан,
Осьминог вдруг упал без движения
И воскликнул на весь океан:
— Погибаю от разоружения!!!

Дипломатов
Много, много
В залах и дворцах Женев,
Но не легче
Осьминогу
И его жене.

ВАС, ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ОБЫКНОВЕННЫЕ СЛОВА

Я старичок тихий и не завистливый, но до всего люблю дойти. Иной раз просто возможности нет себя сдерживать: лопается мое терпение!

Вчера вечером меня занесло зачем-то к моей племяннице. Племянницы не было дома, и остался я глаз-на-глаз с ее сынишкой, развязным мальчонкой годков под тринадцать.

— Мама на заседании, — сообщил мне мальчонка. — А я тоже только сейчас пришел: на троллейбусе катался. Занятно!

Я сказал:

— Без троллейбуса тебе, как без рук? Помрешь ты без этого? А мы, бывалыча, на коночке путешествовали: трюх да трюх... И то не часто, потому тоже пятачок стоило, а где его взять?

— А что такое коночка? — спросил оголец.

— Коночка-то? Ну, конка, иначе говоря. Не знаешь? Ну, как тебе объяснить... Ну, вот, если сделать трамвайный вагон без мотора и лошадь в него запречь... Понимаешь — вагон?

— А зачем это?

— А, ну тебя! — махнул я рукой. — Не понимаешь, так и незачем тебе понимать. Скажи-ка лучше, что это у тебя за чертовня?

— Кипятильник, — пояснил лоботряс! — Электрический. Я сам сделал.

Я покачал головой.

— Ну-ну! За это, брат, пороть. Либо предохранители пережжешь либо пожару наделаешь.

— Да, как бы не так! — нагло заявил оболтус. — Небось, я точно высчитал ампераж!

— Чего?. Это как же?

— Очень просто. Если знаешь коэффициент сопротивления проволоки и ее сечение, то чего же тут особенного! Делаю обмотку такой длины, чтоб получилось сопротивление в тридцать омов: сто двадцать вольт разделить на тридцать, — вот тебе четыре ампера. Этого я не выдержал. Я сказал:

— Так, так. Поговори еще у меня! Омы какие-то... Туда же! Жил бы ты не теперь, а в мое время, были б тебе коэффициенты сопротивления! Сам-то ты кем бы был? Байстрюком, только и всего!

— А что значит „байстрюком“? — удивился оборот.

— Ну, известно... Незаконнорожденным ребенком. А мамаша твоя? Теперь-то она инженер, скажи ты на милость!.. А тогда бы?.. Которая девушка не сумела себя соблюсти, потеряла себя, то что же ей оставалось? Каждый пальцем бы тыкал. А чтобы кто-нибудь согласился грех прикрыть, так для этого ей надобно иметь приданое. Которая же без приданого да еще из простого звания, да с приплодом еще, какой же дурак под венец с ней пошел бы? Немыслимо! Ну, и работу найти тоже не представилось бы возможности. Бабам вообще не было тогда ходу, а уж которая себя потерявшая, с незаконным ребенком, так кому же она нужна? Счастье еще, если в люди пойти удастся, прислужой за все... А тебя бы — на фабрику ангелов! Либо, конечно, в подзаборники бы...

Мальчонка слушал меня молча и внимательно. И вдруг остановил:

— Постой, дед, постой! Почему это так: говоришь ты по-русски, а слова у тебя непонятные?

— Как это то-есть слова непонятные, — не понял я. — Это какие же например?

— Да почти все! Что это значит: „себя потеряла“, „прикрыть грех“, „пойти под венец“, „приданое“, „простое звание“, „в люди пойти“, „прислужой за все“, „незаконный ребенок“, „себя соблюсти“?.. Ничего же невозможно понять!..

— Так, так, — сказал я. — А что же возможно тебе понять? Омы? Троллейбус? Стратостат, индустриализацию, электрификацию, ликвидацию эксплуатации, бесклассовое общество, изживание пережитков капитализма, социалистическую реконструкцию?..

— Ну, вот, — ухмыльнулся малец. — Это другое дело! Это обыкновенные слова. А то... наговорил!..

Я сказал: — Эх!.. Что уж там!.. — И пошел домой.

— „Обыкновенные это слова“... Пожить бы тебе в мое время!
ГРАМЕН

ПРИМИТЕ И ПРОЧ

В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ

По сообщению американских газет, настоятель одного из мексиканских монастырей убил монаха, который доносил ему, что делается в монастыре, и неожиданно оказался железнодорожным бандитом.

В переводе на русский язык это происшествие читается так:

„У попа была собака, он ее убил“.

КОРОЛЬ ЗА СТОЙКОЙ

Парижские газеты рассказывают, что бывший испанский король Альфонс открывает в Париже собственный ресторан.

Ничего не поделаешь: За ресторанной стойкой гораздо легче усидеть, чем на троне.

АРИЙСКИЕ ИЖДИВЕНЦЫ

Фашистские теоретики, по утверждению венских газет, заняты исследованием, кого из библейских героев следует признать арийцами.

Повидимому, арийскую карьеру Каина и Хама следует считать обеспеченной.

НЕУЖЕЛИ?

У берегов Нормандии, по словам бельгийских газет, рыбаками поймана рыба, у которой в желудке обнаружено шесть золотых монет. Неужели многочисленные способы мелкой переправки банковского золота за границу обогатились еще одним? Тогда для оптовой переправки золота будут, наверное, привлечены киты!

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Председатель месткома ст. Арьсь, Самаро Златоустинской железной дороги, Намазбаев окружил себя целой свитой из двоюродных братьев, сватов и близких знакомых, устроив их на всевозможные работы.

Рис. Кукрыники

КУКУРЫНИКОВ-33

Служба связи... преимущественно родственной.

Морока

Рассказ Мих. ЗОЩЕНКО

Иллюстрации К. ЕЛИСЕЕВА

Конечно, таких рассказов, в которых человек выиграл, скажем, сто тысяч и с ним после этого чего-то такое случилось и страшно, таких рассказов в литературе существует, конечно, до чорта.

Но то, чего мы хотим рассказать, по своей комичности положений превосходит все до сих пор написанное в этой области.

Отметим к тому же, что все это голая правда. Вот представьте себе утро. Туманный Ленинград. Надо сейчас итти трудящимся на работу. Вот сейчас они попьют чайку и пойдут гордой вереницей.

Но что случилось. Чей-то крик, я извиняюсь, раздаётся. Это в нашей коммунальной квартире раздаются крик, шопот, треск и разные возгласы.

Жильцы сбегаются на это место и видят вот что: Рабочий Борька Фомин в розовых подштанниках шляется по своей комнате. Челюсти у него трясутся. И лицо белое, как глина. В одной руке у него газета. В другой — почтовая открытка. В третьей руке его супруга держит талон и так она восклицает:

— Ах, уйдите все из комнаты. Еще ничего неизвестно. А я лично не могу поверить, что мы с Борей пять тысяч выиграли.

Борька Фомин, у которого от волнения с носа капля падает, говорит:

— Получаю открытку со сберкасы. Что такое. Пардон. Выиграл деньги.

Жена говорит: — Вся моя жизнь проходит в сумерках. Чтoб что-нибудь удивительное случилось, — этого не бывает. Если же Борька выиграл такие деньги, то я, говорит, непременно знаю, что произойдет какое-нибудь такое, благодаря чему я, скорей всего, не увижу этих денег.

... Я скорей всего не увижу этих денег.

Один жилец говорит: — Часто бывает, — они печатают, не досмотревши цифры. Или нолики у них заскакивают и не там расположены. Трудящиеся ахают, а после, конечно, не то выигрывают.

Тут приносят семь газет из разных комнат. Все глядят и проверяют и видят: нету сомненья. Борька Фомин, этот, не представляющий из себя ничего особенного, выиграл пять тысяч, и неизвестно никому, чего он сейчас будет делать с этими деньгами.

Борькин племянник, живущий тут молодой мальчишка лет 17, Вовка Чучелов, сдающий экзамен на звание шофера и не привыкший еще давить людей, говорит Борису Андреевичу:

— Чем, дядя, понапрасну слова кричать, — побегите в сберкасу. Если вам дадут эти деньги, значит вы действительно выиграли.

Тут все начинают кричат на Бориса Андреевича и велют ему побежать в кассу.

Его жена, по своей женской недоверчивости, при этом так восклицает:

— Сейчас он у меня, подлец, под трамвай ссыпется или его автобус зацепит. Этого не бывает, чтоб я свободно по пять тысяч выигрывала.

Вот Борис моментально одевается, бежит и вскоре возвращается обратно белый, как глина.

Он говорит всем присутствующим ослабевшим голосом человека, только что летавшего в стратосферу.

Он говорит: — Да, я выиграл пять тысяч. Они мне велели послезавтра притти за деньгами.

Тут все поздравляют Бориса Андреевича и велют ему полежать на кушетке, чтоб не сорвать ход организма до получения денег.

Жена говорит:

— Ах, уйдите все из комнаты. Я хочу строго подумать, чего может случиться, благодаря чему мы не получим этих денег.

Вот проходит целый день, и утром снова раздаются крики, шопот и грубые восклицания.

Все жильцы спешат на место происшествия и видят вот что: Борис Андреевич лежит в розовых подштанниках на кушетке. Челюсти у него тресутся и капли падают с носа.

Жена говорит:

— Еще хорошо, что его, подлеца, у меня в ряды партии не приняли. Вот бы он мне конфетку подложил.

Жильцы говорят:

— А что такое?

— Да как же, говорит, что. Он у меня оказывается две недели назад, не дождавись выигрыша, стал, как ребенок, рекомендации себе просить у разных высших лиц. Он хотел, видите ли, записаться. Хорошо ему не дали. Вот бы теперь пришлось, наверное, я так думаю, половину денег отдать на борьбу с тем и с этим и в МОПР и так далее.

Один жилец говорит:

— Нет, отдавать не обязательно, но, конечно, иные по своей охоте оставляют себе на папиросы рублей шесть денег, а остальные отдают на строительство.

Жена говорит:

— Ах, уйдите все из комнаты. Я хочу подумать, чего еще может случиться.

На третий день Борис получил деньги сполна. Он со вздохом отдал двадцатку на дирижабль, остальные он принес домой и закрылся в своей комнате.

На четвертый день утром раздаются крики, воркотня, вопли, шопот и грубая брань.

Это Борис Андреевич, поругавшись с женой, разводится с ней и теперь уходит к одной барышне. Такая жила в другом конце коридора, Феничка. Такая белобрысенькая. Кажется, из чухонок. Но такая удивительно миленькая душечка. Тоненькая, как мечта поэтов.

И он, собрав вещи, как раз переходит к ней и так про жену восклицает:

— Я ухожу от нее, поскольку я увидел всю ее мелкобуржуазную сущность. Она в такое героическое время радовалась, что мне рекомендации не дали. Я ей никогда этого не прощу и всякий раз, видя ее, буду непременно страдать и огорчаться. Я от нее лучше уйду. Но я не хочу ее даром бросить. Я ей дам рублей сто или девяносто, и пушай она, дьявол, не вмешивается в мои сердечные дела.

Жена говорит:

— Вот так да. Я же вам говорила.

Тогда племянник Вовка совместно с Борис Андреевичем моментально переносят вещи к Феничке и там весь вечер празднуют пышный бал.

На шестой день снова в квартире раздаются крики, возгласы и дамские слезы.

— Чго такое? Пардон. Извиняюсь, что случилось?

— Ах, это знаете, у Борис Андреевича ночью сперли все деньги. Рисуеться чудовищная картина ужаса и потрясения.

Сам Борис Андреевич лежит на кровати с мордой, бледной, как глина. Он шепчет слова удивления и разводит руками, показывая этим силу своего душевного страдания.

Тут же рядом на ковре лежит без памяти Феничка. У нее украли туфельки и пальто.

Тут узнается, что Борькин племянник Чучелов, не сдав еще экзамена на шофера, исчез неизвестно куда. Рисуеться картина подлой кражи со стороны этого бешеного родственника.

Тогда вдруг появляется феничкин брат или, чорт его знает, кто. Тоже, кажется, из чухонцев. Со значком ГТО.

Он почти ничего не говорит и только ногами выпихивает лишних обитателей из комнаты.

Последним номером программы он выгоняет Борьку Фомина и бьет его в рыло за исковерканную дамскую жизнь плюс туфельки и пальто.

Борька с криками страдания мечется по коридору с мордой, вспухшей, как пирог.

Тогда его бывшая жена берет его под свое покровительство и разрешает ему снова находиться на ее половине.

Борька ложится на пол в ее комнате и страдает так, что даже пришедший милиционер, привыкший видеть все, чего бывает, не может этого видеть.

Борька говорит жене:

— Ах, я сам не понимаю, как я от вас ушел. Только ваша любовь всегда скрашивала мои невероятные страдания. Я, как в бреду, жил три дня с этой белобрысой чухонкой, у которой совершенно поделом сперли плюшевые туфли и пальто и у которой брат я не знаю какой подлец и убийца живых существ. Ах, у меня была морока в голове от этих всех дел. Я вам в присутствии товарища милиционера приношу свои сердечные извинения за все явления.

Милиционер говорит:

— Ах, перестаньте вы канючить. Моя душа буквально разрывается от этих слов. Я прошу вас замолчать и говорить то, что случилось, а не то, что было. Я, говорит, составляю протокол, а не пишу поэмы из жизни оборванцев.

Борька говорит:

— Тогда слушайте. Феничка ночью спала, а я, не помню зачем-то, на минутку пошел в ватерклозет. Наверно, Вовка Чучелов все это увидел и взял из комнаты эти деньги и эти вещи.

Милиционер записывает этот факт и уходит.

Муж с женой мирятся и живут друг с другом с необыкновенной любовью.

... Борис Андреевич уходит к одной барышне...

... Вдруг моментально с бухты-барухты женится на феничкиной сестре Лиме.

Борька с Феничкой не раскланивается. А она щеголяет в новых туфельках, неизвестно откуда полученных.

Феничкина сестра Сима, с которой Борька разговорился, сказала, что это белобрысый, набивший ему морду, отнюдь не брат, а вовсе любовник. И этим все объясняется.

Страдания Борьки прекращаются. Он ходит на работу и там дает разные смелые обещания. Жена говорит:

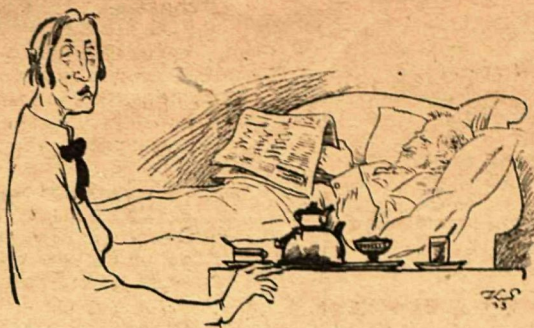
— Попроси у кого-нибудь рекомендацию. Может, кто-нибудь и даст. Ладно, что же делать, если тебе это нравится. Ты у меня тянешься ко всему, как ребенок.

Вдруг через две недели вызывают Борьку в милицию. И там ему сообщают, что в Гаграх, на Кавказе, поймали его племянника Вовку Чучелова. Он истратил 400 руб., а остальные деньги Борька может моментально получить обратно.

Борька с лицом бледным, как глина, возвращается домой. У него в руках деньги. И он садится на кушетку, неохотно смотрит на всех и не совсем понимает, что случилось.

Его жена говорит:

— Ах, увидите все из комнаты. Еще неизвестно, что будет.

... И выходит неожиданно замуж за знакомого бывшего поляка.

Эта неизвестность продолжается три дня, после того Борис Андреевич вдруг моментально с бухты-барахты женится на феничкиной сестре Симе.

От счастья он не ходит на работу три дня, и его выгоняют на полгода. Но он на это плюет и не горюет. Он кладет свои деньги на книжку. И эту книжку носит теперь на груди на самом толстом шпагате.

Феничка говорит, что ей все это безразлично. А жена говорит: вот так штука. И выходит неожиданно замуж за знакомого бывшего поляка, который переезжает на ее площадь как не имеющий таковой.

Вот теперь интересно, что будет, когда Борис Андреевич поистратится.

Прочитавши этот рассказ, мы можем вместе с вами подивиться удивительным делам. И, подивившись этим делам, давайте с надеждой подумаем о тех прекрасных днях, в которые деньги не будут, может быть, иметь такое выдающееся значение.

Мир ахнет и удивится, какая, наверное, будет удивительная жизнь. А нам, подлецам, воспитанным на прежней дряни и безобразии, даже и не понять, как это будет.

МИХ. ЗОЦЕННО

В КАНЦЕЛЯРСКОЙ ЗАВОДИ

Рис. Л. Генча (тема А. Афанасьева)

— А нашему брату-инженеру куда спокойнее, чем писателю.

— Почему?

— Да вот Золя, наверно, не раз пришлось спускаться в шахты, прежде чем он написал „Углекопов“.

Каз о Том, иди чорт в колхоз попал

Стихотворение ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА
Иллюстрации Ю. Ганфа

(Залев)
В станице Бутяге
Хорош улов —
Четыре коряги
Да пять осетров.
А на Дикой Кочке
Еще лучшей —
Две дырявых бочки
Да семь ершей.
У Козьего Брода
Всех перешли —
Неводом в погоду
Из реки всю воду
Вы-чер-пали.
Чтоб мы замолчали,
Нас упреди,
Присказка вначале,
Сказ впереди.

Заседлал чорт вьюгу,
Узду одел,
Копыта раздвинул,
На спину сел.
Ударил нагайкой
Вдоль спины, —
Подскачила вьюга
До луны.
Ударил нагайкой
Второй раз, —
Подскачила вьюга —
Звезды из глаз.
В третий раз ударил,
Свел удила, —
Вьюга в белой пене
Плясать пошла.
Сбилась, скрутилась,
Расшибла лоб.
Угодил чорт задницей
На сугроб.
Приморозил крепко,
К снегу прирос,
Спрятал за пазуху
Собачий нос.
Видит — дело плевое:
Ни водки испить,
Чи ведьмы поглядить,
Ни закурить.
Сидел до рассвету чорт,
А днем
Три досужих парня
Шли тем путем.
— Глядите, ребята, —
Первый говорит, —
— Никак хвост собачий
Из снега торчит?
Второй отвечает:
— Ей-же-ей,

6 Откуда собака
Серед степей?
А третий подходит:
— Да это чорт,

Вдобавок паршивый —
Третий сорт.
Завязали чорта
Они в мешок,
Затянули накрепко
Ремешок,
Перешли, протопали
Наискось степь,
Приходят в деревню
И — на цепь.
Сидит чорт и лапой
Морду трет,
А кругом собрался
Колхозный народ.
Смотрят, удивляются,
Смеются: — Рад!
Прыгал да допрыгался,
Попался, брат!
Развел чорт руками,
Мяучит: — Угу,
Оплошал, товарищи,
Завяз в снегу.
Нечего делать,
Смеяться что ж, —
И у чорта горе
Бывает тож.
Сидит чорт на цепи
И день и два
И мяучит жалостливые
Слова:
— Я, грит, в инвалидах —
Лысый, кривой.
Я, грит, товарищи,
Парень свой.
Я, грит, к колхозу
И так и так.
Я, грит, среди наших
Почти батрак.
Я, грит, безлошадный.

Вьюга была,
Да и та, паскуда,
Меня подвела.
Сидит он в колхозе
Без мала год.
Пролез в счетоводы,
Ведет обсчет.
Пузыри пускает
Дутых смет,
Пролез в заправилы —
Ору-ду-ет.
Чортова хитрость
Людям невдомек,
Выписывают чорту
Колхозный паек.
Чорт распинаяется,
Обут, одет:
— Бога, грит, товарищи
Действительно нет.

Чего ж вы удивляетесь,
Язви вас,

На свете такое ли
Есть сейчас.

На свете такое ли
Есть теперь?
А была у мужа
Баба — зверь.
А он ее — палкой,
Она — батогом,
А он ее — плеткой,
Она — утюгом.
Он ее ни за что,
Она его — не зря.
За дела, за дело,
А не зря
Она — в председатели
Он — в писаря.
На него прошение
Ей несут,
А он ее — палкой,
Она — в нарсуд.
Заскрипели перья,
Пошла кутерьма —
Ей — от повышения
Ему — тюрьма.
Что же вы гогочете,
Язви вас!
Подносите песольникам
Хлеб и квас.
Подносите сказочникам
Вина
Упрошайте каждого
Пить до дна.
Чтобы чашку до рту
Каждый донес,
Чтобы сказ про чорта
Пелся всерьез.

А и начал он
Крутить да мутить народ,
А и начал он
Шваркать взад и вперед:

— Мы, грит, не каторжные,
Это что ж,
Засевай пшеницу,
Овес и рожь.
Засевай пшеницу,
Овес и рожь,
Отдавай задаром,
Да это что ж.
А и начал он крутить
Да мутить народ.

А и начал он шваркать
Взад и вперед:
— Почему, откеда,
Как это так!
Для советской власти
Всякий — кулак.

Если три коровы
Да лошадок пять,
Почему бы такого
В колхоз не взять.
А серед колхоза
Такие нашлись —
Сидят на корячках
И ноют: жи-и-сть.
Сидят, смотрят грустно
И плачут: жи-и-сть.
Да такое дело
Времем случись:
Задумал чорт ночью
Чинить поджог,
Подпалил конюшни,
Чуть не убер,
Да схватили чорта
Тогда мужики,
Кулацкого чорта
Да в кулаки.
Да еще оглоблями
Со телег,
Да еще с размаху
Да задом в снег!

ДЛЯ УДОБСТВА ПУБЛИКИ

По проезду бульвара вдоль трамвайных рельсов растерянно бегало несколько человек с таким выражением, с каким бегают охотничьи собаки, потерявшие след дичи.

— Вон она! — крикнул один в резиновом плаще и с портфелем под мышкой, — ее вперед махнуло.

— Я неделю тому назад ехал, она тут была, — сказал человек в старой шляпе с наивно приподнятыми бровями.

— Неделю... теперь дня не выдерживают. Вчера останавливались у скрещения перед Малой Дмитровкой, а теперь, кому нужно пересаживаться, либо за полкилометра до пересадки слезай, либо полкилометра мимо нее сыпь.

Все дошли до перевешанной таблички с номерами трамваев и выстроились в очередь.

Их догнал какой-то с кепкой на затылке веселый парень того типа, что целой гурьбой ходят по кино и устраивают для себя всякие развлечения из тесноты в проходах.

— Здесь, что ли, остановка-то?

— Здесь. Должно быть, нынче перенесли.

— А я минут десять, собака ее возьми, на той простоял. Вон там уж опять народ набирается.

В самом деле, вдали по середине проезда бульвара уже набралось человек пять. Они, нахохлившись под дождем, терпеливо ждали,

каждый раз испуганно бросаясь в разные стороны, когда мимо них проезжал тяжелый грузовик, сотрясавший мостовую и разбрызгивавший осенние лужи на мостовой.

К ним подбежал рабочий в теплом пиджаке, что-то спросил у стоявших и успокоенно стал тоже ждать.

Показался трамвай. Пассажиры быстро построились в очередь. Но трамвай прокатил мимо.

Те сначала удивленно смотрели ему вслед, потом, спохватившись, всей гурьбой бросились догонять его на новой остановке.

Впереди, перемахивая через лужи, летел малый с пустым мешком, за ним — рабочий, за рабочим — интеллигент в очках и со снятой кепкой в руках. Последними поспевали полная дама в черном пальто, с большим бюстом, в шляпе и серьгах, и, наконец, старушка в полушубке, с валенками под мышкой.

— Московские дерби открыты! — крикнул веселый парень в кепке, показав на бегущих и закричал:

— Наддавай, наддавай! Ставлю на вороную в шляпке. Мамаша, не подведи!..

Бежавшие подоспели к остановке как раз в тот момент, когда трамвай тронулся и уехал у них из под самого носа.

Полная дама, дышавшая, как паровоз, отстала.

— Подвела чортова тумба, последней к финишу пришла. А с места как было хорошо взяла, — сказал веселый парень. — В последний раз ставлю на таких.

— Четвертый раз на завод опаздываю, — заметил рабочий, пока-

(Продолжение на 8-й странице)

„ПЕРЕКЛЮЧИЛСЯ“

Рис. М. Храпковского (тема М. Глушкова)

Лучшая подготовка к XVII парт'езду — полное выполнение промфинплана по всем показателям.

— Опять у тебя с перевозками прорыв?

— Погоди ты со своими перевозками, у меня рапорт никак не получается.

чай головой, с черной доски цельную неделю не слезаю и все таким манером.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась, тяжело дыша, полная дама к стоявшим, — зачем это каждый день меняют остановки?

— Для удобства публики, — огрызнулся интеллигент в очках, бежавший со снятой кепкой в руке.

— Ведомство паршивое, — сказал человек в резиновом плаще, — везде творческая работа кипит, перестройка идет, движение, а с трамваями что сделаешь? Только переменной остановок и дышат. Нынче вперед, завтра опять на старое место. Тем и живут.

— Ведомство паршивое, а и то в одну неделю всю Москву на ноги поставило, — сказал подошедший новый пассажир, с поднятым от дождя воротником пальто.

Дама сначала слушала серьезно. Потом, увидев, что шутят, с раздражением отвернулась и сказала сама себе:

— Совершенно непонятно!

— Мало ли непонятных вещей, мамаша, — заметил веселый парень, — вот хоть буква „Р“, что висит у остановки автобуса, что она значит?

Полная дама посмотрела на синюю вывеску с буквой „Р“ и ничего не сказала.

— Прежде автобусные остановки около трамвайных были, на трамвай не сел, — на автобусе уедешь, а теперь ее вон куда кинуло, автобусную-то эту.

Переходивший улицу полный человек в шляпе подошел было к стоявшим и застегнул горло пальто, так как вдаль показался автобус. Но автобус остановился, не доезжая шагов ста до трамвайной остановки.

— Чорт возьми! — крикнул толстый гражданин и, придавив ладонью шляпу, бросился туда.

— Нажми, нажми! В ровную давай! — закричал ему вслед парень в кепке, как кричат любители на скачках. Но автобус, пыхнув в нос толстяку дымом, укатил.

— Для толстяков теперь раздолье, — сказал парень, — даровая гимнастика. Вот так побеждает денек, глядишь, сбавил кило два.

Старушка с валенками покорно следовавшая за остальными, долго прислушивалась к разговорам, потом несмело спросила у человека в плаще:

— Миленький, а что я отсюда на Брянский вокзал попаду?

— Вон куда иди. Эти номера теперь там останавливаются.

— А намедни тут было...

— Мало что — намедни... намедни и часы трамвайные на этом столбе висели, а теперь вон их куда отнесло.

Старушка с валенками растерянно посмотрела на часы.

— Ничего, ничего, старуха, не ленись, — сказал веселый парень, — раз направление тебе указано, открывай старт, жарь!

Старушка сначала слушала, ничего не понимая, потом, ни слова не говоря, бросилась со своими валенками вперед по тротуару.

— Набирай скорость, набирай! Пятёрку ставлю! — кричал парень

— Нет, все-таки почему ни с того ни с сего меняют остановки и без всякого видимого смысла, — сказала полная дама, — на Мясницкой сначала шестой номер перенесли вперед, а четвертый — назад, а теперь четвертый — вперед, а шестой — назад.

Из-за поворота показался трамвай. Все, вздрогнув и оборвав разговоры, бросились ближе к рельсам. Подбежавший последним сезонник с двумя мешками, перекинутыми на полотенце через плечо, бросился впереди полной дамы.

— Куда вы лезете, вы последним подошли! — кричала полная дама, работая руками и упев толстый локоть сезоннику в бок.

— Туда же, куда и все, — хрипел сезонник, так как и другая сумка перекачнулась у него за спину и, оттягивая его назад, полотенцем душила ему горло.

Вагон тронулся, руки полной дамы соскользнули, и она, оборвав своей тяжестью целую гроздь пассажиров, висевших за ее спиной, села в лужу.

— Сбой, сбой! — закричал, как сумасшедший, парень в кепке, — мамаша, с кругу долой! Мать честная, аж земля дрогнула...

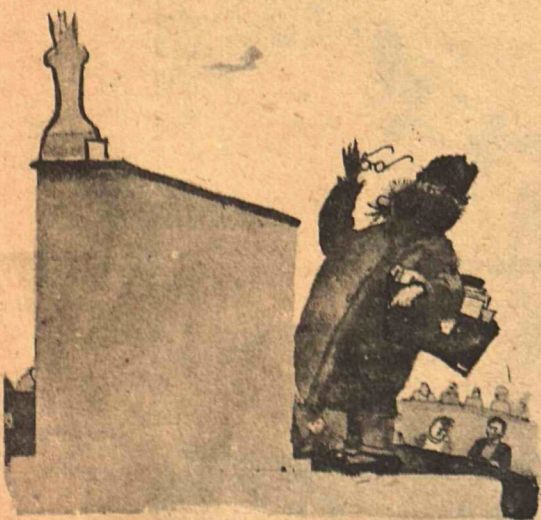
Но в это время подошел еще вагон, и дама, вскочив с остервенением ожесточившегося вконец человека, бросилась в него. Сзади на нее напирал штукатур, весь белый до ресниц от штукатурки.

— Не смейте прикасаться! Вы пачкаете! — кричала полная дама.

— Проходи, проходи! Сама хороша. Весь комод разукрашен.

ЛЕКТОР В ЗАПАРКЕ

Рис. А. Каневского (тема А. Страрцакого)

— Опять не туда попал! Цельный час детям читал о пьянстве!

Полную даму с белой спиной, от которой все шарахались в стороны, засосало внутрь набитого вагона.

— Вот работа-то пошла! — крикнул опять парень, — прямо сплошное веселье. А вон лупят двое, гляди.

Все оглянулись направо. По проезду бульвара шел полным ходом трамвай, а по тротуару, на перехват ему во все лопатки с шапками в руках неслись два гражданина — один в сером пальто, другой — в черном.

— Ставлю на серого! — крикнул парень. — Серый, не выдавай! Нажми, нажми. Не перерезай, обгоняй по внешнему кругу!

И когда гражданин в сером пальто с выпученными от бега глазами прибежал первым, парень приподнял перед ним кепку и сказал:

— Поздравляю вас с первым призом.

ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ

ЕЩЕ О БРАКЕ

Оказывается, в некоторых учреждениях еще сохранился патриархальный уклад во всей своей неприкосновенности.

К нам поступил любопытный документ, поданный заведующему столовой № 25 при Селикатном заводе в Москве.

„Мы нижеподписавшиеся, товарищи, желаем поступить в брак. Я — Ананьев, не возражаю. Мне 22 года. И я тоже самое, Миронова, не возражаю и перехожу на фамилию Ананьеву. При чем и расписуемся.“

АНАНЬЕВ, МИРОНОВА“.

На этом заявлении начертано: „Не возражаю, только с переводом одного из них на другую работу.“

Зав. столовой № 25 ВИНОКУРОВ“.

И мы не возражаем... против перевода тов. Винокурова на должность заведующего районным загсом.

„НА ДНЕ“

(Новая постановка)

Особым почетом на ст. Дно пользуются специалисты по проживанию в квартирах, предназначенных для специалистов.

Нам сообщают, что для прибывших инженеров не оказалось квартир. Из 22 ИТР квартиры получили только 7. А в это время на ст. Дно 14 железнодорожных квартир заняты лицами, не имеющими никакого отношения к транспорту.

Выходит, что для специалистов на ст. Дно нет ни дна ни покрывки.

„ПАССАЖИР“

Пассажирский поезд № 115 вдруг остановился посреди перегона Ессентуки—Скачки. Никакой катастрофы не случилось. Просто, пропал с паровоза помощник машиниста Рыжих, а машинист Миллер остановил поезд и пошел его искать.

Помощника нашли: он спокойно ехал в пассажирском вагоне.

Очевидно, ему хотелось лично убедиться, какие неприятности переживает пассажир, когда поезд ведет такой работник, как Рыжих.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТДОМ

В комнате тепло и сухо.
Ни клопов и ни мышей.
Терпеливая старуха
Занимает малышей.

Из газеты шьют папахи,
Вырезают от руки
И бумажные рубахи
И бумажные портки.

А другие, как герои,
Лишь качают головой:
Норовят они построить
Настоящий Днепрострой.

Санька — инженером вроде,
А задумчивый Назар
Меж корабликами ходит,
Как военный комиссар.

Часовой суров, но весел,
Охраняя все свое,
Через руку перевесил
Деревянное ружье.

И меж ними ходит странно
Озаглавленный Панкрат,
Он какой-то иностранный,
Заграничный дипломат.

Из картона сделал краги
(Иностранец неспроста)...
Из коричневой бумаги
Проверяет паспорта.
Минимальному Петрухе
Объясняет жизнь зверей
Многолетняя старуха,
Не рожавшая детей.

И трясет она, как нянька,
Безбородой бородой:
„Васька, Ванька, Колька, Санька —
Все мои и каждый мой!“

Дом, упрямо вырастая,
Светом брызжется в лицо...
Самодельные трамваи
Едут прямо на крыльцо.

НИКОЛАЙ МЯК

В ДЕЙСТВИИ

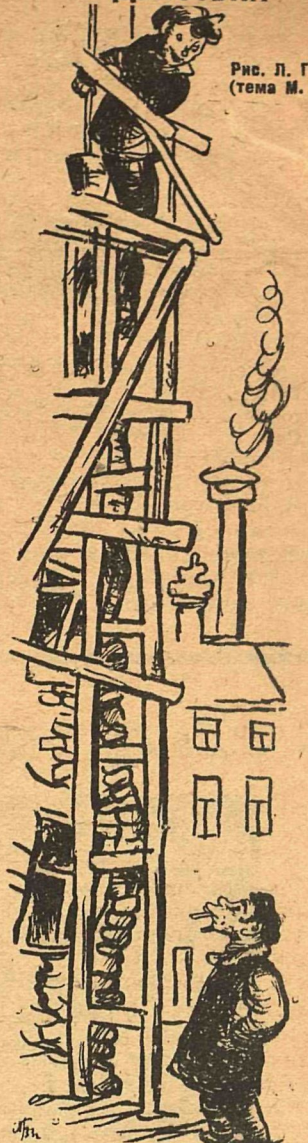

Рис. Л. Генча (тема М. Глушкова)

— Эй, у тебя фундамент не в порядке...

— Не мое дело. Я только за третий этаж отвечаю

(Заготовительный рейд „Крокодила“)

Очередное заседание редколлегии „Крокодила“ было весьма оживленным: Семен Баррикадов и Савелий Октябрь только что вернулись из очередного рейда по заготовкам и горели желанием поскорей сделать доклад. Особенно кипятился Сеня Баррикадов, восторженно махая руками и даже слегка заикаясь от распивавших его чувств, идей и фактов.

Но первым получил слово степенный, вдумчивый и беспартийный Савелий Октябрьев.

— Тише! — сказал он. — Тишина нужна докладчику не менее, чем бурные аплодисменты. Ибо, аплодируя, граждане нередко прохлопывают самую суть вопроса, а тишина способствует вдумчивой самокритике.

— Что такое заготовки? Заготовки — это победа той самой предусмотрительности, за которую я ратовал всю свою жизнь, предупреждая наивных оптимистов:

— Как бы чего не вышло!
— Превратности судьбы не знают правил внутреннего распорядка. Сегодня, к примеру, мы находим сколько угодно пуговиц для подштанников, а завтра, — кто знает? Может быть мы не отыщем их и по сто рублей за дюжину. А посему — самозаготавливайся!..

— Я повторял эту истину не один раз и всегда на меня косились и обвиняли чуть ли не в оппортунизме. И что же получилось? Теперь повсюду только и говорят о заготовках, их поощряют, им содействуют, их пропагандируют. И меня радует мысль, что я был и остался правым до конца... Но перейдем к делу!

— В некоторых районах Башкирии и ЦЧО, где я успел побывать, децентрализованные заготовки не дали положительных результатов. Почему? — спрашиваю я, и сам же отвечаю: — Потому что позабыли о мелочах! Да, да! Для успеха были все данные: и циркуляры, и договоры, и аппарат, и пишущие машинки. Но все благие порывы обратились в сплошной прорыв.

— Почему? Потому что договор не договор, если он не подкреплен еще одним договором. И лучше подписать десять ненужных договоров, чем пропустить один нужный.

Посмотришь, какой-нибудь наивный ОРС заключает договор с колхозом на скот и успокаивается. Да разве это работа? Серьезный заготовитель, например, ОРС Горьковского автозавода, он поступает не так! На ту же самую скотскую продукцию он заключает договор с райпотребсоюзом и райживобъединением. Мало этого! Он заключает еще договоры на поставку скота с областным потребсоюзом! С областным живобъединением! С областной конторой ГОРТИ! Страховка полная. Всем платится вознаграждение, и все довольны. Правда, некоторые несознательные потребители удивляются:

— Колхоз берет за kilo мяса 3 рубля, а ОРС оно обходится в шесть. Хорошо ли это?

Но потребитель уж на то и создан, чтобы удивляться. Ему наплевать на всю сложность продланной работы, — ему бы только подешевле да побольше! Странный народ! Однако я, кажется, по обыкновению куда-то слегка уклонился... Ближе к делу! Я сказал уже, что заготовкам повредили мелочи. Так это и есть. При проверке я убедился, что копии договоров не были скреплены круглой печатью. Очевидно это и было главной причиной невыполнения многих договоров. Других причин я не нашел.

И вот из-за такого пустяка все пошло насмарку. Даже аппарат, прекрасный, преданный, работоспособный аппарат, не останавливавшийся ни перед какими жертвами! МСПО в Кантемировском районе заготовил сельскохозяйственных продуктов на 4.800 рублей, а на содержание аппарата израсходовал 5.000 рублей. ОРС Днепростроя истратил на свой аппарат 15.000 руб., хотя заготовил всего на 6.000. Но шире всех поставило дело Шварцеское рудоуправление: не щадя затрат, там израсходовали на аппарат 6.000 руб. и ничего не заготовили.

И вот такие, буквально драгоценные аппараты, предложено бы-

ло ликвидировать! Какая опрометчивость! Хорошо еще, что не все ОРС совершили такое безумие. Ведь если нет аппарата, так нет и заготовок, а при аппарате уже наверняка хоть что-нибудь да будет заготовлено. Только не надо спешить и дергать людей. Дайте им спокойно пожить, вгрызться в любимое дело, окружите их вниманием и любовью и спокойно ждите результатов. Первые продукты аппарат должен заготавливать для себя, ибо не зря говорится: „Довольный аппарат и работать рад“. А потребитель пусть подождет. Пусть он пока будет сыт сознанием, что где-то далеко-далеко, в бескрайних степях Башкирии беззаветно преданные люди думают о нем и что-то заготавливают... Я слышал нередкие такие упреки: „Смотрите, воронежская контора МСПО за 7 месяцев потерпела на 110 тысяч убытков. Контора Мостропа в ЦЧО проела 62 тысячи! ОРС НКПС за 8 месяцев потерял на заготовках 112 тысяч рублей!“

На эти упреки я могу только улыбнуться и сказать: без организационных расходов нельзя ни родиться ни умереть. Если хочешь заготавливать, приучись к расходам и терпению. Вот и все. Я кончил.

После доклада Октября все долго молчали. Воображение рисовало притихшему собранию далекие степи, занесенные снегом дороги и одинокие фигуры героев-заготовителей, неутомимо идущих из колхоза в колхоз, заключающих договоры и дважды в месяц аккуратно расписывающихся под вой выюги в ведомостях на жалованье...

Тишину нарушил высокий тенор Семена Баррикадова.

— Товарищи, я буду краток...

И бросив уничтожающий взгляд на Октября, Баррикадов в течение получаса, спеша и захлебыва-

ясь, изложил социальную природу и историю заготовок от патриархального общества до наших дней. Потом перевел дух и широко взмахнул руками:

— Товарищи! Надо уметь заготавливать! Заготовка каких-то сельскохозяйственных продуктов на два-три месяца — это кустарничество! Капуста и грибы — это крохоборчество, доступное каждому беспартийному члену союза. Нет, товарищи! Нам нужны другие масштабы! Нам нужны мастера, профессора, виртуозы заготовок! И о них я буду говорить!

„Не только культурно торговать, но и культурно заготавливать!“ — так сказал себе ОРС Магнитостроя! И решил так обеспечить своих пайщиков, чтобы они сразу выделались из всей многомиллионной массы пайщиков Союза. Что же он заготовил? Знаки отличия? Особую форму? Нет, нет и нет! Все это устарело. ОРС нашел новые пути. Он заготовил на 100.000 рублей специальных шапок-недомеров, по новому осваивая старый обветшалый лозунг: „Шапками закидаем!“

Шапки, несомненно, разошлись бы, если бы магнитогорское население поняло всю широту ОРС'овского размаха. Ораторы из ОРС устроили целый ряд собраний и конференций для внедрения шапок-недомеров. Они пламенно призывали население приспособить свои головы под шапки. Но агитация успеха не имела. Нужно было бы выпустить специальный циркуляр с предложением в трехдневный срок приспособить головы к определенному размеру, но этого почему-то сделано не было. И прекрасный почин остался втуне.

— Точно так же не удалось Магнитогорскому ОРС привести в жизнь и другое блестящее начинание. ОРС решил повести героический штурм на некультурное обрастание под лозунгом: „Смерть бороде“. И для этой цели заготовил на 590.000 рублей помазков для бритья. Казалось бы, потребители должны с руками оторвать у ОРС помазки: ведь на Магнитке и пыль, и грязь, и очень много бородатых мужчин. Но население и здесь не подхватило прекрасный почин ОРС. И напрасно ОРС'овцы придумывали изящные и острые лозунги:

„Спешите бороду побрить“

Она мешает есть и пить!“

Помазки лежали без движения.

У кого-то блеснула гениальная идея: каждому купившему шапку-недомерок давать в качестве платной премии десяток помазков. Но и эту идею осуществить не удалось потому, что по проискам некоторых граждан явно беспартийного происхождения руководители ОРС попали на скамью подсудимых, где их самих сильно взмылили и дали им по шапке.

Но я не сомневаюсь, что изобретательность и размах магнитогорцев может найти своих продолжателей и энтузиастов.

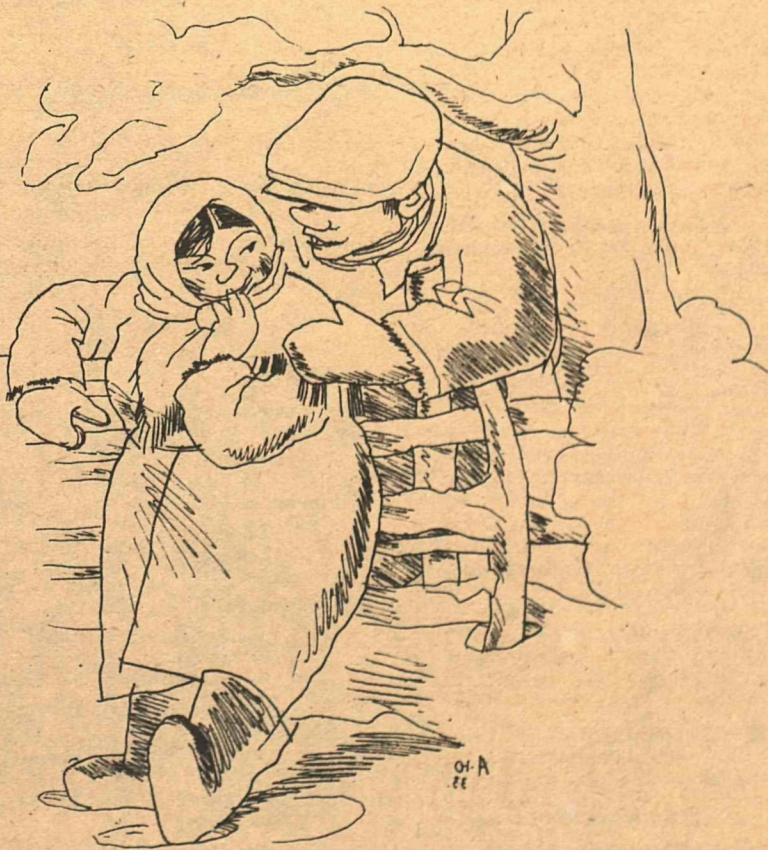
Приняв к сведению оба доклада, редколлегия „Крокодила“ предложила немедленно устроить баню гражданам Октябрю и Баррикадову, так как в результате командировки оба они оказались основательно замаранными,

Отчет о заседании стенографировали и опубликовали

Е. ВЕСЕНИН
ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Рис. А. Юнгера (тема Ю. Ганфа)

В некоторых колхозах телок не выдают в первую очередь ударникам, а распределяют всем колхозникам по алфавиту.

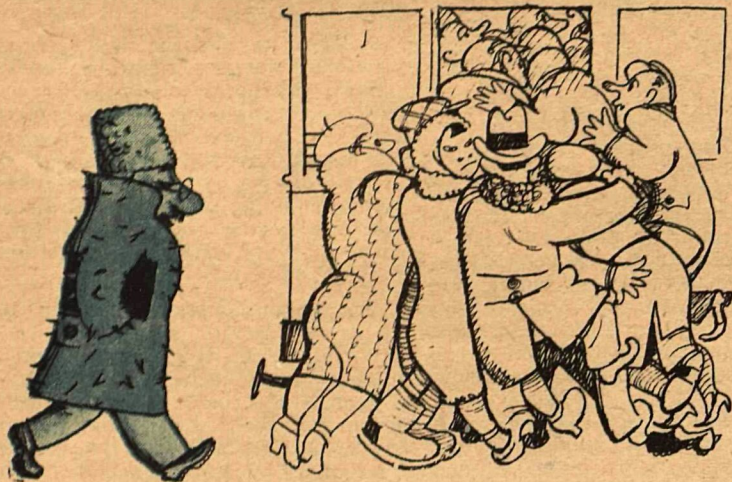
— Зачем ты поменяла фамилию Харламова на Абрамову?
— Что ж поделаешь, когда у нас в колхозе телок по алфавиту выдают...

НЕПОБЕДИМОЕ ПАЛЬТО

Рис. и тема К. РОТОВА

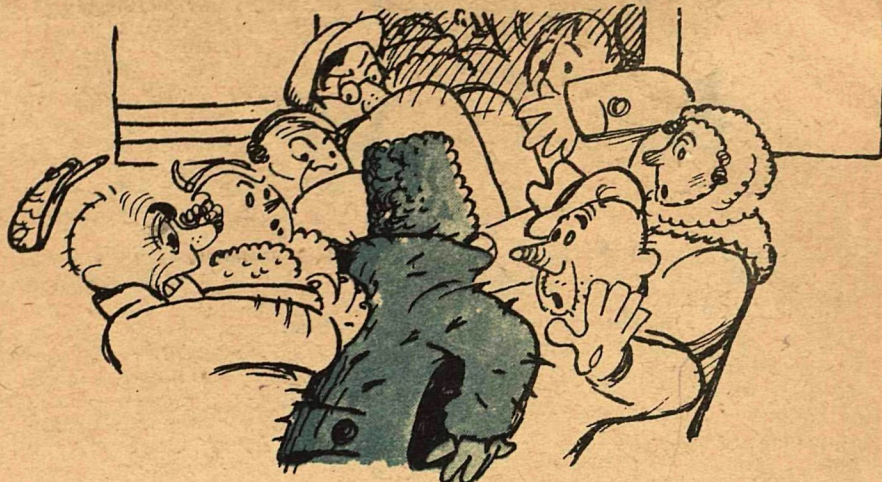
(Трамвайная баллада)

Стихи ВАС. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА

Трамвай набит. Попробуй сядь-ка!
В толпу не сможет влезть никто...
Но не спеша подходит дядька.
Он — в москвошвеевском пальто.

Он не боится дикой давки, —
Пальто броней сидит на нем.
И ворс, упрямый, как булавки,
Торчит наружу острием.

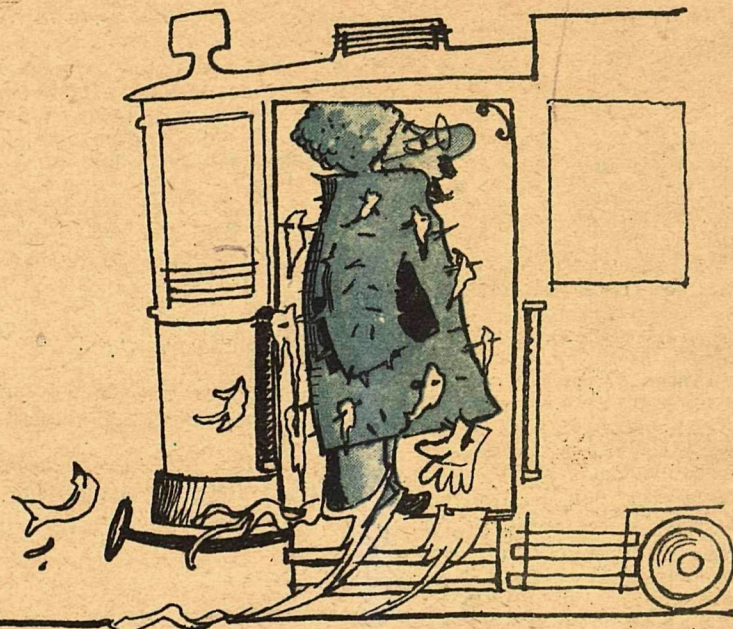

И он в толпу идет спокоен,
Толпе бросает вызов свой, —
Бесстрастный, как старинный воин,
Как танк, как поезд броневой.

И каждый шаг его — проклятье!
Толпу, как льдину, колет он,
И рвется вражеское платье,
И всюду крик и всюду стон...

И от победы розовея,
Он молча влез в вагон пустой.
В своей броне от Москвошвей,
Такой обычной и простой.

А сзади дико и без толка
Толпа ругала Москвошвей...
И на иголках нити шелка
Повисли гордо, как трофей!

к.р. 33.

ИСТОРИЯ БЕЗ СМЕХА

„В наперченное не сыпь перца“, — говорит восточная пословица. Не стоит смазывать улыбкой, даже иронической, то, что перерастает из анекдота в безобразие. Поэтому — серьезно.

Жена гражданина Разумкова ехала из Кисловодска домой. По пути она должна была остановиться у родственников в Курске и Перми, отсюда заехать в г. Туру за мужем, а с ним вместе ехать домой.

Так как Разумкова перенесла в Кисловодске тяжелую операцию и муж не хотел, чтобы она утомляла себя поездкой в Туру, он решил предупредить ее об этом телеграммой. В Курск Разумков послал такую телеграмму:

КУРСК ШТАБ ДИВИЗИИ ВРАЧУ ПОКРОВСКОМУ
ПРОШУ СЛАВОЧКУ ОТЛОЖИТЬ ПОЕЗДКУ ТУРУ
ВЫЕХАВ НЕМЕДЛЕННО ДОМОЙ
РАЗУМКОВ

В Пермь Разумковым была послана телеграмма такого содержания:

ПЕРМЬ ЛЕНИНА 70/8 РАЗУМКОВОЙ
ПОЕЗДКУ ТУРУ ОТЛОЖИ НЕМЕДЛЕННО
ВЫЕЗЖАЙ ДОМОЙ
КОЛЯ

В Курск телеграмма пришла в таком виде:

КУРСК ШТАБ ДИВИЗИИ ВРАЧУ ПОКРОВСКОМУ
ПРОШУ ЛАВОЧКУ ОТЛОЖИТЬ ПЕСКУ ТАРУ
ВЫЕЗД НЕМЕДЛЕННО ДАИМОИ
РОЗУНКОВ

После этой телеграммы положение дивизионного врача, которому телеграфно предлагают отложить „лавочку“, никоим образом нельзя было считать блестящим.

В Пермь супружеское предложение отложить поездку в Туру было передано телеграфом в таком лаконическом и не допускающем крикливо-толков в виде:

ПЕРМЬ ЛЕНИНА 70/8 РАЗУМКОВОЙ
ПОЕЗДКУ ТУРЦИЮ ОТЛОЖИ НЕМЕДЛЕННО
ВЫЕЗЖАЙ ДОМОЙ
КОЛЯ

Положение адресатов, которым предлагается отложить поездку без соответствующих виз и разрешений в Турцию тоже нельзя признать заслуживающим зависти.

По фельетонному ритуалу теперь требуется несколько смешных фраз. Нет, эта история без смеха. Потому что это не анекдот, а сплошное безобразие.

КЛИМ УНЫВАЛОВ

РАДИУС ДЕЙСТВИЯ

Нельзя сказать, чтобы домна № 1 на новостройке не пользовалась вниманием.

Она пользовалась вниманием, пожалуй, даже большим, чем это было необходимо для ее работы — непрерывки.

Пожалуй, руководящему персоналу домны слегка даже приелось оказываемое внимание.

Особенно со стороны обследователей. Особенно со стороны приезжих обследователей.

Обыкновением уже стало, что вместе с утренней сменой в проходные ворота просачивались и расползались по доменному хозяйству обследователи.

Они приезжали на новостройку с вечерним поездом, занимали номера и койки в гостинице. Ночью из окна любовались индустриальной феерией — багрянцем доменных дымов, голубыми вспышками электросварок и бисерной россыпью огоньков рабочего поселка.

В номере мягко и учтиво горела полуваттная лампочка, было по-домашнему удобно, в умывальнике журчали две струйки — холодная и горячая. В конце коридора горячо дышал кипятильник „Титан“.

Ну, прямо не гостиница была на новостройке, а „все для приезжих“ — кто бы они ни были и зачем ни приехали: по делу или для обследования домны и ее окрестностей.

Нет, на невнимание к домне уж никак нельзя было пожаловаться! Местная газета прямо забрасывала домну № 1 лозунгами — „шапками“.

„Недовыполнение проектной мощности обратим в перевыполнение“.

„Домне нужны ковши. Ковшам нужна плавка. Догоним и перегоним“.

Из областного трама приезжала на домну и табором располагалась под кауперами выездная труппа с интермедией Анания Опохмельянца „Чугунный поток“.

Рабочком то и дело требовал у домны дополнительных сведений об охваченных какой-то сетью.

Одним словом, внимания хватало в избытке.

Но почему же домна не выдавала чугуна по своей проектной мощности?

Может быть, не хватало руды и кокса? Нет, хватало. И кокса и руды! Завалка бункеров шла нормально. Составы плавно передвигались на

подъездных путях. Вспоизали по мосту вагонетки, обрушивали содержимое в воспаленное горло домны. Пушка Брозинуса, с которой на первых порах было много возни и споров, теперь с размаху закончила оскаленную кроваво-красную летку.

Все было пригнано, все шло своей колеей, но домна стояла на подступах и никак не могла подняться до своей проектной мощности.

ИТР прямо с ног сбились: „В чем тут дело? Где заедает?“

И вот приходит на домну товарищ из сектора контроля исполнения.

— Сказать, говорит, почему? Я отыскал, говорит, причину. Мне ясно отчего, говорит, домна недовыполняет.

Все насторожились: вот сейчас он откроет какое-нибудь вредительство. Вот он обнаружит какой-нибудь подкоп, вот-вот отыщет какую-нибудь такую подпроектную язву!..

Но товарищ из сектора контроля начинает самый обыкновенный разговор о бункеровке, о подъездных путях, об атмосферном давлении, о Торичеллиевой пустоте..

То-есть точка — не в точку. Потому что и бункеровка, и пути, и давление, и другие процессы — вот они все, пожалуйста, проверяйте!

Но товарищ из сектора проверять отказался.

— Хорошо! — сказал он, — сейчас расшифрую. Во-первых, о бункеровке. Эту бункеровку я у вас вижу. А вот вы не видите другой бункеровки. Советую, загляните в столовую. Там вы ее увидите. Столовая это — цех питания, подсобный цех. Для кого только он у вас подсобный, я не знаю.

И то же — о подъездных путях и об атмосфере...

Тут на домне — все это по графику и по рапортникам, а пойдемте-ка к баракам. Путей туда, конечно, — ни подъездных ни подходов. Ну, а в бараке — свое ТЭЖЭ. Подвыпившая кастелянша сплет вам романс про любовь, которую разлучили. Еще бы ее не разлучить: на веревочках — сырые портянки; по простеночкам, как по Невскому, гуляет если не клоп так таракан. А в клубе Торичеллиева пустота. За кулисами драмкружок третий месяц репетирует „Марата“. В фойе архангел из пожарного депо разучивает на тромбоне „Вы жертвою пали в борьбе роковой“. В буфете чай кофейный... И это все. Как вы, товарищи, полагаете, отражается это на работе, или не отражается? А если отражается...

— Так вот вы куда загнули? — разочарованно сказали на домне, — а мы, товарищ, думали — вы по существу. Мы думали — вы о механизмах.

Л. МИТНИЦКИЙ

ТУМАННОСТИ, КОТОРЫЕ НЕ ПЕРЕВОДЯТСЯ

Рис. Л. Бродаты (тема М. Глушкова)

— Переведи, пожалуйста, товарищ редактор, твою передовицу, — заглавие уж очень интересное...

Ответственный редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ

Редколлегия: Я. БЕЛЬСКИЙ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ

Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. — 90 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 1124

Сдача текста и рисунков — 28/XI-33 г.

Подпись к печати — 7/XII-33 г.

Статформат А9—220×333. Печатных листов 2. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № В — 68626

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суздальский вал, 49.

Зак. № 1926. Тираж 210.000

По своему социальному положению Спервакин—сосед. Чей сосед—не важно. Важно, что он живет у каждого из нас под боком, скучен как ревматик под зонтом. Спервакин неизменен, как грыжа, уныл, как суслик в клетке, и в то же зремя пакостлив, как хорек под полом. Вот он сидит сейчас у вас в комнате и с тоскливой ехидностью возмущается, почему его хотят выкинуть за трехмесячный неплатеж за комнату.

— А вы почему же, Спервакин, за комнату по три месяца не платите?

— Потому и не плачу, что не за что. Возьмем, допустим, лестницу. Взяли? Что есть лестница? Голая липа. Внизу ступени—и ничего больше, а сверху темно. А почему темно? Лампочки, видите ли, нахально повывертывали.левой рукой за стену держатся, а правой—вывертывают, как звери.

— А кто же их вывертывает?

— Это не мое дело. Я на лестницах не ночую. За одну—не говорю. Одну сам вывертел, а насчет других—не мое дело. Кому надо, тот и вывертел. Да что лампа? Возьмем, например, ванны—так разве ж у нас ванна? Полная беспризорность. Ванна не уют, за ней уход нужен, а какой же это уход, ежели из нее ответственный с'емщик сиреневого цвета выходит.

— Почему именно сиреневого цвета?

— Порядка нет, потому и сиреневого. На прошлой неделе я сам, извините, белые брюки в серый цвет в ванне красил. А продукция у нас,—сами понимаете. Вместо серого сиреневый попал. А ответственный жилец на другой день по случаю именин ванну сдуру за хотел. Не вымыл и влез. Вот и вышел оттуда весь в полоску. Полоска белая, полоска сиреневая. Прямо не человек, а пижама. А на меня кричит, что простудился из-за меня.

— А при чем здесь простуда?

— А это из моей комнаты ветер несет. Порядку у нас нет, потому и несет. В ночь на тридцать первое я левым сапогом стекло выдал. Из гостей пришел, думал, что дверь, а оказывается окно. Я не кошка, в темноте не вижу. Как шагнул в стекло, так его и нет. А они еще деньги за квартиру требуют... А в коридор у нас выйти можно? Нельзя.

— Почему нельзя?

— Мусору полно. Жильцы, как звери, грязные. Ни за чем не смотрят. Как что выкинешь за дверь, так и лежит. А на паркет даже и плюнуть не хочется. Как облил я его третьего дня чернилами, так до сих пор чернила есть... А вы говорите деньги платить...

— А вы бы, Спервакин, не пакостили сами у себя в квартире и деньги бы платили,—глядишь, и лучше было бы жить.

— Э,—отмахивается Спервакин,—все одно и то же говорят. Даже не оригинально. Скучно у нас мыслят. Изюминки в людях нет... Очерствели!

Он уходит из комнаты и через две минуты начинает тянуть в форточку чью-то антенну от радиоаппарата. На крыше что-то падает, а снизу яростно бьют половой щеткой в потолок.

— Вот и верь после этого в радио,—ехидно говорит он утром,—чудо природы, а чуть потянешь—и мачта к орту... И стекло у кого-то вдребезги... А еще говорят—радиофикация... Головы только морочат...

И на его хорьковом лице—ехидная и торжественная улыбка человека, убежденного в своей правоте. Он быстро умывается под кухонным краном, оставляет его отвернутым, а когда через десять минут пустая кухня превращается в шумное озеро, Спервакин высовывается из своей комнаты, и в коридоре раздается его негодующий голос:

— Готово: поплыли! Краны закрывать некому! За воду плати, а вода тебе в морду лезет... И только у нас это возможно... Марь Степановна, да уймите вы ваши водопроводы,—там какой-то гад воду выпустил! Я в домоуправление жаловаться буду! Жить не дают!

АРК. БУХОВ

М О Р О З П О К О Ж Е

Рис. Ю. Ганфа (тема М. Глушкова)

— Брр... Разве можно согреться у одного камина, когда потухло целых пять домен...